

Чингиз
АЙМАТОВ:

«ВЕРЮ В ЧЕЛОВЕКА»

Наши нравственные ценности

Что значит жить по совести? Какой должна быть гражданская позиция в условиях демократизации и гласности и что означают сегодня понятия социальной справедливости, престижности, преуспеяния в жизни? Об этих и других вопросах, часто встречающихся и в читательской почте «Правды», идет разговор под рубрикой «Наши нравственные ценности». Сегодняшний наш собеседник — Чингиз АЙМАТОВ.

— Время и мораль, совесть и тщеславие, добро и зло, правда и ложь... Не было во всем обозримом прошлом такого периода, чтобы люди не раздумывали над вековыми этими понятиями. Сейчас, в середине 80-х, мы находимся в своего рода силовом поле высокого нравственного напряжения, когда многое из истинного и ложного нуждается в резком разделении, отъединении одного от другого — что и плысу, что и минусу. Скажите, Чингиз Торекулович, чем, по-вашему, вызвана сегодняшняя острота проблем нравственности, социальной справедливости, духовности?

— Теми переменами, которые происходят сейчас в нашем обществе. Думается, к такой остроте мы должны были прийти рано или поздно. У каждого поколения наступает своеобразный катарсис — самоочищение. Ведь у живущих образуется свой опыт бытия, осмысление которого никогда не было легким делом, а преодоление ошибок и подавно. Вот и сейчас наше общество на таком историческом переломе. Причем на перемены настроены все сферы жизни, перестройка идет по всему фронту от экономики до культуры. Хотя на нашей памяти и прежде были различные реформы и «переделки», однако они не сопровождались глубокими морально-этическими исканиями в широких слоях населения и не были обращены столь непосредственно к личности каждого отдельного человека. Сейчас, похоже, все обстоит иначе. Что же произошло?

Опыт, обиденный опыт ныне живущего поколения показал, что нравственная культура, духовное воспитание меняются медленно. Но если раньше этот процесс как-то был незаметен на фоне грандиозных хозяйственных задач, то со временем стал влиять на все стороны жизни, и на экономическую в том числе. Как влиять — об этом сегодняшние проблемы говорят недвусмысленно. Самый большой капитал — нравственная культура народа. Нет этого — значит не жди и высокой сознательности.

Мир стал более динамичным: здесь и психологические нагрузки, и потоки различной информации, и угроза ядерного пожара — все надо брать в расчет, все влияет на человека и человечество. С развитием техники в жизни стал преобладать технократический подход и обозначился недостаток гуманитарного образа мышления, а ведь гуманизм в большом и малом зависит от того, насколько ценны среди людей понятия общности, социального равенства, правды, искренности и добра. Мы не должны поступать теми моральными принципами, которые и характеризуют наш общественный строй в качестве модели достижения идеалов человечества. Среди этих принципов основополагающие — добросовестный труд на благо общества, гуманные отношения и взаимное уважение между людьми, честность и правдивость, непримиримость к несправедливости. Собственно, это составные совести, а совесть в свою очередь является движущей силой гражданской ответственности.

В связи с этим хочу сказать, что понятие «нравственность», на мой взгляд, не подвержено никаким новациям, а тем более примитивной политизации. Нравственность — это изначальный и наиглавнейший закон бытия для человека. Каждое поколение, каждый индивид воспринимают его как неизбывное и священное наследие предков. Важно, чтобы человек, общество в целом неукосятельно следовали этим нормам всегда — и в большом, и в малом.

Требования нравственного порядка, искренности, принципиальности, строгого соответствия слова и дела особенно возрастают сейчас, в условиях перестройки, пересмотра многих сторон нашей жизни. К сожалению, в последние годы как-то так у нас получилось, что у иных людей совсем не оказалось внутренних нравственных тормозов, совсем они потеряли совесть. А ведь истинная человеческая сущность выражается в нем

тогда, когда он живет по совести, когда поступками движет не кто-то, а его собственная совесть, внутренний, главный и непогрешимый судья. Жить и поступать по совести не всегда бывает легко, но именно благородство совести делает жизнь общества одухотворенной идеями и мечтой, позволяет держать в эталонной чистоте вечные заповеди нравственности. Но, к великому сожалению, неминуемы и отступления от образцов, причем весьма серьезные. Разве нет повода для сложных размышлений, если мы уже напрямик заговорили о совести и двуличии, прямом обмане в экономике, в управлении, в правоохранительных учреждениях.

— В письмах читателей «Правды» закономерен вопрос, почему же раньше мы все видели, понимали, но молчали?

— «Мы» в ваших устах звучит, как «вы» — писатели?..

— Нет, «мы» это и означает — мы...

— Хорошо, давайте в таком ракурсе продолжим беседу...

Противостояние доброго и злого мирным не бывает, они в постоянной борьбе и вражде между собой. А на житейской будничной поверхности это противоборство выражено зачастую обычным пошлым компромиссом: вор мягко именуется несунтом, круглый дурак — некомпетентным в том-то и том-то. Компромиссы устраивают многих: и тех, кто не в ладах с совестью, и тех, кто честен, но ищет спокойной жизни. «Выгодными» становятся полуправда, полумеры, какие-то частичные наказания. Нравственность порой подстраивается под удобное сосуществование с пороком, то есть понижается пороком морально допустимых прегрешений. Так что, действительно, и видели, и понимали, но боролись далеко не все. Замечаю: с улучшением жизни многие теряют свою непримиримость к недостаткам, я бы сказал, теряем революционность.

Однако не будем лукавить: и сегодня компромисс как «способ существования» далеко еще не изжит. Мы многого не уясним для себя в недавнем прошлом, а значит, не сделаем упреждения и на будущее, если и на этот раз не разберемся до конца в том, почему мы не всегда берем власть над собой. Умом иной понимает, что этого делать нельзя, а делает, старается не слышать голоса совести, обманывает себя. А это пагубней всего — идет распад личности, человек губит всю свою жизнь. Жаль,

что об этом не всегда помним.

И другой вопрос: как власть, большая или малая, оказывается у людей, не имеющих на то морального права? По каким качествам выдвигают, как правило, работника? Деловой, исполнительный, требовательный, морально устойчивый — да. Но каково его нравственное кредо, соответствует ли он высокой духовной настроенности нашего общества, честен ли и справедлив? Для управленческого механизма эти качества личности, к сожалению, часто рассматриваются как вторичные. И вот то оттуда, то отсюда поступают сообщения о должностных преступлениях — коррупции, взяточничестве, приписках, протекции, круговой поруке. Дефицит совести способен привести к самым изощренным антиобщественным действиям.

А если урезаны в калибрах такие силы общественного воздействия, как гласность, критика, контроль, неотвратимость наказания? Совсем плохо получается. Нет, сейчас надо всем миром, в том числе и нам, писателям, еще энергичнее браться за оздоровление всей атмосферы нашей жизни. И оздоровление это должно вливаться в конкретные дела и поступки каждого. Высокая нравственность человека всегда стоит в прямой зависимости от его собранности, любви к труду. А то, что свежий ветер основательно выдул уже паутину из многих наших замшелых углов, это тоже важно видеть.

— Конечно, первым делом в перестройке нуждается идеологическая, воспитательная работа, как об этом сказано в документах партии. Но вот проблема: многие традиционные формы и методы идеологического, нравственного воспитания не отвечают современным требованиям. Словом, мы еще не всегда достигаем сознания людей. В чем причина?

— Воспитание человека — потугное дело. Поначалу надо построить личность! И делать это необходимо не в расчете на какую-то «среднестатистическую душу населения». В принципе любой человек приходит к тем или иным убеждениям, но не сразу, а с годами, то есть через свой практический опыт, через социальную психологию среды. А вот итог такой внутренней работы складывается порой не в пользу нашего мировосприятия. Отклонения от норм морали выражаются, как правило, в поступках и проступках. Но это уже действие. А если взглянуть поглубже: наврное, самое страшное — это иллейное двоедушие, лицемерие, приобретение социальных благ и общественного положения за счет

морального приспособленчества.

Почему в одинаковых условиях один вырастает добродетельным, а другой — способным на дурное? Не буду вдаваться в психологию, ясно то, что в идейно-нравственном воспитании давно пора отказываться от общих плакатных призывов, от единообразия, от теоретизирования, не привязанного к практике и к современности. У нас зачастую хорошие начинания быстро формализуются. А раз так, то возникают функционеры, которые превращают живую идею в мертвую догму.

Правда, следует заметить, что догматизм идет следом за любой системой и любой идеей. Нет такой идеи, которой можно было бы гарантировать, что она не подвергнется догматизации. А что стоит за догматом? За ним стоит формализм, который порождает казенное начетничество, унылую назидательность. Но ведь сознание людей, тем более сегодняшнее сознание, не воспринимает такого рода стиль и методы пропаганды. Сейчас мы все больше ищем иные подходы к человеческой душе, и здесь главное, чтобы люди знали правду, чтобы в информировании общества преобладали, пусть и не всегда легко дающиеся, но — искренность и честность.

— Помните, лет пять назад мы с вами говорили о пристрастии некоторой части нашей молодежи к зарубежным вещам, к модным на Западе музыкальным течениям...

— А разве сейчас такой молодежи и таких пристрастий стало меньше? И это объяснимо: не одни ведь только мы в мире обитаем. Тут видится еще и вот какая проблема. Долгое время мы делали крен на наши социалистические пренеумущества, стараясь где заслужено, а где и авансом превозносить достижения. Это стало привычным не для одного поколения. Но мир уже не тот, что прежде, а значит, гибче и тоньше должно быть понимание взаимосвязи и взаимозависимости его противостоящих друг другу цивилизаций. А ведь нам есть чему поучиться и у Запада — в производственно технологическом плане и особенно в сфере услуг. В духе времени и наших задач важно было бы найти нам и какой-то динамичный эквивалент конкуренции «западным игрушкам», к которым так тянется некоторая наша молодежь.

— Похоже, в последнее время меньше стало опасений по поводу того, будто бы вслед за джинсами или рок-музыкой в среду молодежи могут проникнуть «чуждые» нам настроения. Однако не стоит, наверное, забывать, что идеологическая борьба была, есть и будет. Определенная категория людей

(Окончание на 6-й стр.)